

Евг. ДОЛМАТОВСКИЙ

СТИХИ ЭТИХ ЛЕТ

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК»
№ 11
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
МОСКВА — 1946

Евг. ДОЛМАТОВСКИЙ

СТИХИ ЭТИХ ЛЕТ

Издательство «Правда»
Москва. 1946

Евг. ДОЛМАТОВСКИЙ

Поэт Евгений Аронович Долматовский родился 5 мая 1915 года в Москве. Учился в советской школе, в 30-х годах начал сотрудничать в «Пионерской правде» и других пионерских изданиях в качестве «деткора».

В 1935 году вышла книга его стихов «День». Темой этой книги были комсомольская юность и московское метро, на строительстве которого поэт работал в 1933—1934 годах.

В 1937 году поэт окончил Литературный институт и уехал на Дальний Восток. По возвращении он выпускает книгу «Дальневосточные стихи», выдержавшую несколько изданий.

В 1939 году Долматовский участвует в освободительном походе в Западную Белоруссию и в войне с белофиннами на Карельском перешейке.

В 1940 году выходит книга его стихов «Три времени года», а затем — книга «Московские рассветы».

С начала Отечественной войны поэт работает в армейской, а затем в фронтовой газетах, участвует в боях под Сталинградом, под Курском, в Польше и при взятии Берлина.

Долматовский был дважды ранен на фронте, награждён орденами и медалями Советского Союза.

За время войны и после победы им выпущены книги «Песня о Днепре», «Степная тетрадь», «Вера в победу», «Дорогами войны», «Стихи издалека».

Его перу принадлежит ряд популярных песен: «В далёкий край товарищ улетаёт», «Девушка с характером», «Ты ждешь, Лизавета», «Случайный вальс», «Песня о Днепре», «Дорога на Берлин», «Моя любимая» и другие.

ДАЧНЫЙ ПОЕЗД

Я всё вспоминаю тот дачный поезд,
Идущий в зелёных лесах по пояс,
И дождь, как линейки в детской тетрадке,
И юношу с девушкой на площадке.

Он в новенькой форме, затянут строго.
Кружит кинолентой пред ним дорога;
Мокры её волосы после купанья,
И в грустных глазах огонёк прощанья.

Как жаль, что вагоны несутся быстро
И день угасает в дожде, как искра!
Как жаль, что присматриваются соседи
К безмолвной, взволнованной их беседе!

Он держит её золотую руку,
Ещё не умея понять разлуку.
А ей этой ласки сегодня мало,
Она и при всех бы поцеловала.

Но смотрят соседи на юношу в форме,
И поезд вот вот подойдёт к платформе,
И только в тоннеле одна минута —
От взглядов сокрытая часть маршрута.

Вновь дождь открывается, как страница,
И юноша пробует отстраниться.
Он воин. Ему, как мальчишке, стыдно,
Что первое счастье их очевидно.

...А завтра ему уезжать далёко,
До дальнего Запада иль Востока.

В холодном бою, на снегу, изрытом
Свинцом и безжалостным динамитом,
Он вспомнит и дождик, и дачный поезд,
Идущий в зелёных лесах по пояс,

И так пожалеет, что слишком строго
Промчалась прощальная их дорога.

1940.

КОМСОМОЛЬСКАЯ ПЛОЩАДЬ

Комсомольская площадь — вокзалов созвездье.
Сколько раз я прощался с тобой при отъезде;

Сколько раз выходил на асфальт раскалённый,
Как на место свиданья впервые влюблённый;

Сколько раз мы стояли на дымном вокзале
И, как водится, главного не досказали!

Ни дорожной тоски, ни растерянной встречи
Никому не избежать в судьбе человеческой.

Хорошо машинистам — их дело простое:
В Ленинграде сегодня, а завтра в Ростове.

Я же с дальней дорогой знаком по-другому:
Как уеду, так тянет к забытому дому,

А едва подойду к дорожному порогу —
Ничего не поделаешь — тянет в дорогу.

Счастья я не искал: всё мне некогда было,
И оно меня, кажется, не находило.

Но была мне тревожной и радостной вестью
Комсомольская площадь — вокзалов созвездье.

Расставанья и встречи — две главные части,
Из которых когда-нибудь сложится счастье.

1940.

*
* * *

Письма носят в противогазах
Их повсюду с собой беря,
От любимых, от синеглазых,
Ожидающих с ноября.

Это, правда, не по уставу,
Но носившие письма так
Не нарушили нашу славу
На ветру штыковых атак.

И, когда по буграм открытым
Пробежит вперёд батальон,
Собирая вещи убитых,
Ищут маленький медальон.

Адрес части, кусочек жести,
Пачка писем — из дома весть.
И бойцы собираются вместе
Жизнь товарища перечесть.

Будут долго, насупив брови,
По-мужски, без слёз горевать.
Там, где пролито много крови,
Слёзы стоит ли проливать?!

Как мы раньше дружили мало,
Стыдно вспомнить нам на войне.
Если ты бы здесь побывала,
Ты бы чаще писала мне.

Карельский перешеек. 1940.

ВАРЕЖКИ

Может, в Колпине, может, в Рязани
Не ложились девушки спать,
Много варежек тёплых связали,
Чтоб на фронт их в подарок послать.

Украшали их ниткой цветною —
Славно спорился ласковый труд.

Все сидели порою ночью
И гадали — кому попадут.

Может, лётчику, может, сапёру,
Много есть у отчизны сынов, —
Иль чумазому парню-шофёру,
Иль кому из отважных стрелков.

А девчонка одна боевая
Написала из песни слова:
«Мой товарищ, тебя я не знаю,
Но любовь в моём сердце жива».

И записку свою положила
В палец варежки правой она.
Много варежек послано было
В те края, где метель и война.

Получил командир батареи
Эти беличьи пуховички,
Что так нежно, так ласково греют,
Как пожатие женской руки.

Там лежала записка простая,
И бойцы прочитали слова:
«Мой товарищ, тебя я не знаю,
Но любовь в моём сердце жива».

Командир эти варежки носит
В днях морозных, в ночах боевых.
Покрывает их инея проседь,
Но тепло не уходит из них.

...Скоро, скоро одержим победу,
Поезд тронется в светлую рань.
Неприменно тогда я заеду,
Может, в Колпино, может, в Рязань.

Я хочу после долгой разлуки
Незнакомке спасибо сказать
И пожать эти верные руки,
Что так славно умеют вязать.

Финляндия. 1940.

ГРОЗА

Хоть и не все, но мы домой вернулись.
Война окончена. Зима прошла.
Опять хожу среди широких улиц
По пыльным волнам первого тепла.

И вдруг по небу проползает рокот.
Иль это гаубиц отдалённый гром?
Сейчас по камню будет дождик цокать
Иль вдалеке промчится эскадрон.

Никак не можем мы сдружиться с маем,
Забуть зимы порядок боевой.
Грозу за канонаду принимаем,
С тяжёлою завесой дымовой.

Отучимся ль? А может быть, к июлю
По лёгкому жужжащему крылу
Пчелу мы будем принимать за пулю,
Как принимали пулю за пчелу?

Так, значит, забывать ещё не время
Оружие. И, может быть, опять,
Не дописав одной строки в поэме,
Уеду (и тебе не привыкать!).

Когда на броневых автомобилях
Вернёмся мы, изъездив полземли,
Не спрашивайте, скольких мы убили,
Спросите раньше, скольких мы спасли.

1940.

УКРАИНЕ МОЕЙ

Украина, Украина, Украина,
Дорогая моя,
Ты разграблена, ты украдена,
Не слышать соловья.
Я увидел тебя распятою
На немецком штыке,
И прошёл равниной покатою,
Как слеза по щеке.

В торбе путника столько горести
Не легко пронести.
Землю чёрную полной горстью я
Собирал на пути.

И леса твои и поля твои —
Всё забрал бы с собой!
Я бодрил себя смертной клятвою
Снова вырваться в бой.

Ты лечила мне раны ласково,
Укрывала, когда,
Челюстями стальными ляская,
Подступала беда.

Всё ж я вырвался, вышел с запада,
К нашим, к штабу полка,
Весь пропитанный лёгким запахом
Твоего молока.

Жди теперь моего возвращения,
Бей в затылок врага.
Сила ярости, сила мщенья,
Как любовь, дорога.

Наша армия скоро ринется
В свой обратный маршрут.
Вижу: конница входит в Винницу,
В Киев танки ползут,

Мчатся лавою под Полтавою
Громы наших атак.
Наше дело святое, правое.
Будет так. Будет так.

1941.

ОТПУСК

В отпуск ездил я в город родной,
И война приезжала со мной.

Нет! Наверно, здесь раньше была
И меня на вокзале ждала.

Ни подруги, ни друга, одна
На перроне стояла война.

На Арбат зашагал я пешком,
Мимо рельсов и бочек с песком.

Мне открыли тяжёлую дверь.
Детским сном здесь не веет теперь,

Только кукла лежит без косы,
Да с поломанной стрелкой часы.

Здесь мне нечего делать. Уйду
По снегам, по несбитому льду.

Переулками первой любви
Проходи, но друзей не зови.

Навещая седых матерей,
Не расспрашивай про сыновей.

На диванах чужих ночевать
Не хочу! Мне опять воевать.

Видно, родина наша и дом
В тех селеньях, куда мы войдём,

На полях, где врага мы согнём,
На дорогах под минным огнём.

Если знаешь, что значит тоска,
Не бери на войне отпуска.

1942.

НОЧЛЕГ

На хуторе, за выжженным селеньем,
Мы отдыхали перед наступленьем.

Всю ночь ворчали мы. Признаться честно,
На земляном полу нам было тесно.

Но шире не было в селе хатёнок.
По нашим головам ходил котёнок,

И каждый ощущал плечо иль руку,
Тепло соседа, близкую разлуку.

В сыром, холодном сумраке рассвета
Вонзилась в небо жёлтая ракета.

Был синий день, и красный снег, и грохот,
И гаубица не уставала охать.

И трое из соседей по ночлегу
Раскинулись по взорванному снегу.

А вечером мы вновь ввалились в хату,
Телефонист прижался к аппарату,

А мы легли на пол, сырой и чёрный,
Но стала хата прежняя просторней.

Ночную вьюгу слушали в печали,
По тесноте вчерашней мы скучали.

1942.

ГОРОД ВДАЛИ

Мы бинокли к глазам поднесли
И увидели город вдали.
В синеве проплывали дома,
Как огромные корабли.

Горизонт был от зноя волнист,
Слышен пуль беспорядочный свист
— Вижу Киев, — тихонько сказал,
Вылезая из башни, танкист.

Улыбнулся устало другой:
— Ошибаешься, мой дорогой.
Это старый печальный Смоленск
Белым камнем блестит под горой.

— Что за город — дешёвый вопрос, —
Заворчал черноморский матрос. —
Как Одессы своей не узнать,
Если там я родился и рос.

Мы на запад глядели, туда,
Где сурово дымилась беда,
И, готовясь к атаке ночной,
Узнавали свои города.

1942.

ПЕЛЕНГ

Певица по радио пела,
И голос летел далеко,
Сперва осторожно, несмело,
А после, как птица, легко.

Был город в тугие объятия
Тревожного сна погружён.
Была она в бархатном платье,
Стоял перед ней микрофон.

А где-то в небесном молчании,
Стараясь держаться прямой,
С далёкого бомбометанья
Летят самолёты домой.

Несут они много пробоин,
Идут тяжело в облаках.
Сидит за приборами воин
В своих марсианских очках.

Певица о юности пела,
О лебеде и о тоске.
Анодная лампа горела
На аспидно-чёрной доске.

Из Гамбурга яростный зуммер
Свистел, и гремел, и урчал,
Но голос певички не умер,
Он только сильнее звучал.

Два мира в эфире боролись.
Сквозь бурю, сквозь грохот и свист
Услышал серебряный голос
В наушниках юный радист.

Узнав позывной Украины,
Над крышами горестных сёл

Пилот утомлённый машину
По песне, как лебедя, вёл.

Пришли самолёты на базу,
Родные найдя берега,
И песня, пожалуй, ни разу
Им так не была дорога.

1942.

ПОСВЯЩЕНИЕ

Пулей пробита степная тетрадь,
Стёрло землёю последнюю дату.
Девушкам можно стихи посвящать,
Крепче стократ посвященье солдату.
Тем посвящаю стихи, кто со мной
Ночью ползёт через минное поле;
Тем, кто с рассвета над картой штабной:
Памяти тех, кто погиб на Осколе,
Тем, кто сжимает тяжёлый штурвал;
Тем, кто дружил с динамитом и толом;
Тем, кто в немецком тылу побывал,
Вышел оттуда седым и весёлым;
Тем, кто идёт по ложине сквозь дождь,—
С каски — ручей, плащ-палатка намокла;
Тем, кто ведёт громыжающий «додж»,
Смотрит сквозь дымные, в трещинах стёкла;
Тем, кто поклялся — ни шагу назад;
Тем, кто траву напоил своей кровью;
Тем, кто сейчас в медсанбате лежат;
Той, что склонилась у их изголовья;
Тем, кто далёкую видит Москву
В каждой отбитой у немцев станице;
Тем, для которых дышу и живу
Жизнью, свои миновавшей границы;
Тем, в чьих глазах только ярость и месть;
Тем, кого знаю, а может, не знаю;
Тем, кому некогда их прочесть,—
Эти стихи посвящаю.

1943.

*
* * *

Где ты ходишь, недотрога,
Огонёк далёкий мой?
Мчится, вертится дорога,
Заметённая зимой.

Что скажу я, что отвечу,
Если свидимся с тобой?
Две машины мчат навстречу
По дороге голубой.

По обочине шоферы
Пронеслись — к крылу крыло.
Громыкает лист фанеры,
Заменяющий стекло.

По суровому закону
Нам — лишь мимо промелькнуть:
Если мне дорога к Дону,
Ты до Волги держишь путь.

Снова степь, метель, да вежи,
Да гряда задонских гор.
Может, было бы навеки,
Если б тормоз дал шофёр.

Что ж поделать, если надо
Пролетать на всём газу,
Не успев заметить взгляда,
Не успев смахнуть слезу!

1942.

РАЗГОВОР ВОЛГИ С ДОНОМ

Слышал я — под небом раскалённым,
Через сотню вёрст, издалека,
Разговаривала с синим Доном
Волга-мать река:

«Здравствуй, Дон, товарищ мой старинный!
Знаю, тяжело тебе, родной.
Берег твой измаялся кручиной.
Коршун над волной.

Только я скажу тебе, товарищ,
И твоим зелёным берегам:
Никогда, сколь помню, не сдавались
Реки русские врагам».

Дон вдали сверкнул клинком казачьим
И ответил Волге: «Труден час,
Горько мне теперь, но я не плачу,
Слышу твой наказ.

Русских рек великих не ославим,
В бой отправим сыновей своих,
С двух сторон врагов проклятых сдавим
И раздавим их».

Волга Дону громко отвечала:
«Не уйдёт противник из кольца,
Будет здесь положено начало
Вражьего конца»,

Тёмным гневом набухают реки,
О которых у народа есть
Столько гордых песен, что вовеки
Их не перечесть.

Реки говорят по-человечьи,
Люди, словно волны, в бой идут.
Немцы на широком междуречье
Смерть свою найдут.

Бой кипит под небом раскалённым.
Ни минуты передышки нет.
Волга разговаривает с Доном,
Дон гремит в ответ.

1942.

СТАЛИНГРАД

Его мы любили таким —
Просторным, цветущим и стройным,
Весёлым, стеклянным, сквозным,
Трудящимся, чистым, спокойным.
Казалось — в нём все города
Сошлись показать свою прелесть.
Его отражала вода,

И песни над Волгою пелись.
Подстриженный, солнечный сад
Мы тракторным звали заводом.
Степной богатырь — Сталинград, —
Как в сказке, светлел с каждым годом.
К нему подступила беда
Нежданно, как к горлу рыданье.
Забуть ли то утро, когда
Их танки прошли по окраине?
Он с воздуха весь разнесён,
Обстрелом с земли изувечен,
Разгромлен... И всё-таки он
Незыблем в душе человеческой.
Мы любим наш город таким —
Суровым, бесстрашным и твёрдым,
Разбитым, сгоревшим, ночным,
Несчастливым и всё-таки гордым.
Любовь эта очень крепка,
Ей служит страданье основой.
Так любят отца-старика,
Так любят ребёнка больного.
В сраженьи за город родной
Достанется право любить нам.
За каждую комнату — бой,
За каждую улицу — битва.
Нет, сердцу мириться нельзя
С обугленной чёрною тучей,
И — только закрою глаза —
Вновь вижу я город цветущий.
Словам не изменим своим.
Пусть бой беспощаден и страшен.
Наш город! Ты будешь таким —
Просторным, прозрачным, живым,
Прекрасным, как в памяти нашей.

Сталинград. 1942.

ВЫСОТА

Знакомые наши места —
Овраги да степи без края,
А дальше в дыму — высота,
По карте — сто двадцать вторая.

Туда мы смотрели не раз,
Кусая засохшие губы.
Впивались во впадины глаз
Бинокли и стереотрубы.
Никто не заметил, как с гор
Прозрачная дымка струится.
Мы видели только бугор
Да вражьих окопов глазницы.
Потом зазвенела зима,
Просторы степей побелели.
Нас ярость сводила с ума,
Когда мы на сопку глядели.
И вот громыхнуло: «Ура!»
В атаку пошли батальоны.
Уже перед нами гора,
Бегом на колючие склоны,
По трупам зелёным — вперёд!
И — наша седая вершина.
Орудия, вросшие в лёд,
Осевшие набок машины.
Впервые заметили мы
Высокое солнце над степью,
Хрустальные травы зимы,
Морозное великолепье.
Так вот как поёт и звенит
Донскую мелодию ветер,
Как утренний воздух пьянит,
Как славно живётся на свете!
Так вот какова высота!
Ты раньше и ведать не ведал,
Какая вокруг красота,
Коль смотришь глазами победы.

1943.

*
* * *

Пахнут дымом волжские туманы.
Домики горят на берегу.
Под повязкой расцарапав рану,
Я уснуть сегодня не смогу.

Что мне книги, что стихов тетради —
Строки не расставишь по местам.

Снова очень плохо в Сталинграде,
И любовь моя осталась там.

Взять её с собой я был не в праве,
Не стонал: «Подруга, помоги!»
Вдруг шаги! Шуришит под ними гравий.
Где бы не узнал я те шаги!

Прилетела! Прилетела! Точно!
Снова слышу голосок родной.
Хорошо, что не загружен почтой
Был сегодня самолёт связной.

Пляшет над землёй огонь зловещий,
Не сгореть нам от того огня.
Положи сюда шинель и вещи,
Навсегда останься у меня.

Чтоб — куда, не знаю, вниз ли, ввысь ли —
Жаркий шквал взметнул мою судьбу,
Захлебнуться счастьем, чтобы мысли
Спутались, как волосы на лбу.

Смерть вокруг кружится каруселью,
Светлые глаза твои темны.
Далеко ещё нам до веселья,
Мы в печальный час обручены.

Мы сроднились не веселья ради,
И прошли по взорванным мостам.
...Очень плохо нынче в Сталинграде.
Если гибель, мы должны быть там.

1942.

О ТОМ, О ДАЛЕКОМ

Опять о далёком, о том
Полночные наши беседы,
Как будет нам житься потом,
Когда мы добьёмся победы.

Закроются раны невзгод,
Остынет металл раскалённый,
А поле травой порастёт —
Быльём да былинкой зелёной.

На улицах скроется тьма,
Увидим: наш город разрушен.
Руинами стали дома,
Но сделались крепкими души.

Коль я не увижу, так ты
Увидишь, хотя и не скоро,
Начало такой чистоты,
Истоки такого простора!

...Угрюмый мой друг говорит
О самом далёком и близком,
И женщина рядом сидит
В шинели и в шлеме танкистском.

О чём загрустила она?
Иль кажется злой и усталой,
Что в жизни осталась война,
А всё остальное пропало?

Неправда! Ты в мире найдёшь
Не только потери и беды.
Ты выжить должна. Ты вдохнёшь
Серебряный воздух победы.

И, может, тогда, в тишине
Такая наступит минута...
Пусть это счастье не мне,
Но всё-таки будет кому-то.

Сталинград. 1942.

СИРЕНЬ

В окоп донёс июньский день
Умытых листьев шорох,
И пахнет юная сирень
Сильней, чем старый порох.

Хоть вдоль садов проходит фронт,
Но взяли цвет сирени
Село, и нежный горизонт,
И голубые тени.

Ты далеко. Тебя здесь нет.
Но для тебя я снова
Собрал трепещущий букет,
Прохладный и лиловый.

В снарядной гильзе он стоит
В землянке батальонной,
Холодным пламенем горит,
Как будто спирт зажжённый.

Придут усталые друзья,
И радостно им станет.
Любовь моя, сирень твоя
Сияет и не вянет.

Курская дуга. 1943.

ПОСЛАНИЕ ПОЭТАМ

Мои друзья и недруги были,
Мне хочется окликнуть вас теперь,
В годину испытания России,
В годину мук, сражений и потерь.

У каждого из нас особый нрав,
Всё у другого кажется не так.
Но время ли сейчас для клубных споров,
Газетных стычек и журнальных драк?

Я позабыл о спорах и разладе
И понял, что у всех одни враги,
В тот день, когда на интендантском складе
Поэты примеряли сапоги.

Паёк и литер... Дальняя дорожка.
Мне в Львов! Мне в Гродно! А тебе куда?
За Конотопом первая бомбёжка
И опрокинутые поезда.

Позвякивает тормоз Вестингауза,
Таинственно мерцает синий свет.

Со мной в купе Твардовский и Алтаузен.
Ты помнишь Джека? Джека больше нет.

Он знал провалы, горе, неудачи,
Ни знаменит он не был, ни богат.
Но встретил смерть, не прячась и не плача,
Как коммунист, романтик и солдат.

А мы, что чудом оставались живы,
Когда бесился разрывной свинец,
Пронёсшие сквозь огненные взрывы
И чистоту и преданность сердец,

Грустней и жёстче сделавшись с годами,
Не изменили песне боевой.
Друзья поэты! Маяковский с нами
Багрицкий в нашей сумке полевой.

Они в тяжёлый час не замолкали,
На тихий край не предъявляли прав:
Страницы книжек пули пробивали,
С людскою кровью кровь стиха смешав.

Мы по ночам стихи в землянках пишем,
И каждая высотка — наш Парнас.
Как весь народ горячим дымом дышим,
И пусть забыли девушки про нас,

За то, пред тем, как раскурить газеты,
Стихи читают вслух и про себя.
В строю походном движутся поэты,
Страдая, ненавидя и любя.

1942.

СВОБОДА

Наш мир был светел, юн и синеглаз,
К нему не смели подойти печали.
Такой свободой озарило нас,
Что мы, товарищ, ей цены не знали,

Казалось, что не может быть иным
Тот сад, который сами мы взрастили.
Простую жизнь под небом голубым
Мы первою любовью полюбили.

Но эти строки я теперь пишу
В сырой землянке на переднем крае,
На пальцы онемевшие дышу,
Патроны слов в обойму подбирая.

Ещё недавно было здесь село,
Теперь лишь ветер, словно пуля, свищет,
Последнее печальное тепло —
Краснеют угольки на пепелище.

Я много видел городов и сёл,
Разрушенных с жестокостью бесцельной,
Я много писем у старух прочёл
От дочерей из Дрездена и Кёльна.

Мы на своих плечах несём войну
И видим рек кровавое течение,
И земли, побывавшие в плену,
Бледны, как человек из заточенья.

Сражаясь с чёрной силою врага,
Шагая через огненные годы,
В бою узнали мы, как дорога,
Как непреклонна русская свобода.

1943.

ПОПУТНАЯ ПЕСНЯ

С боем взяли мы Орёл,
Город весь прошли,
Улицы последней
Название прочли:

Брянская улица на запад ведёт.
Значит — в Брянск дорога.
Значит — в Брянск дорога.
Вперёд!

С боем входим в город Брянск,
Город весь прошли,
Улицы последней
Название прочли:

Гомельская улица на запад ведёт.
В Гомель нам дорога,
В Гомель нам дорога.
Вперёд!

Гомель нами с боем взят,
Город весь прошли,
Улицы последней
Название прочли:

Минская улица на запад ведёт.
Значит — в Минск дорога,
Значит — в Минск дорога.
Вперёд!

СЛУЧАЙНЫЙ ВАЛЬС

Ночь коротка,
Спят облака,
И лежит у меня на ладони
Незнакомая ваша рука.
После тревог
Спит городок.
Я услышал мелодию вальса
И сюда заглянул на часок

Хоть я с вами почти не знаком
И далёко отсюда мой дом,
Я как будто бы снова
Возле дома родного.
В этом зале пустом
Мы танцуем вдвоём,
Так скажите мне слово,
Сам не знаю о чём.

Будем кружить,
Петь и дружить.
Я совсем танцевать разучился
И прошу вас меня извинить.

Утро зовёт
Снова в поход.
Покидая ваш маленький город.
Я пройду мимо ваших ворот.

Хоть я с вами почти не знаком
И далёко отсюда мой дом,
Я как будто бы снова
Возле дома родного.
В этом зале пустом
Мы танцуем вдвоём,
Так окажите мне слово,
Сам не знаю о чём.

*
* * *

«Всю-то я вселенную проехал...» —
Это в песне.
И на самом деле
Землю вею под орудийным эхом
Я прошёл в обмотках и шинели.

Шёл я по асфальтам Бухареста,
По широким люблинским брусчаткам.
Где моя жена, моя невеста,
Где моя печальная солдатка?

Лучший друг — один пропал в Мадриде,
А другой загинул под Орлом.
Мне о смерти их не говорите,
Мы дойдём до них, мы их найдём.

Верю — повстречаю их обоих,
В нашей жизни всякое бывало.
В Штеттине и Вене после боя
Надо будет обыскать подвалы.

Умирает партизан в Савойе,
Говорит не по-французски: «Мама!»
Русой забубённой головою
На восток ложится он упрямо.

Было легче плакать, чем смеяться, —
Нами прожиты такие годы!
Обступают стройные канадцы
Девушку с подземного завода.

— Что ты хочешь?
Брови, словно птицы,
Словно отвечают: «Улечу!
Я хочу в Россию возвратиться,
Больше ничего я не хочу».

Кто из нас не видел, как в лазури,
Солнечной, наполненной покоем,
Журавли, раскиданные бурей,
Вновь летят своим привычным строем.

Мы вернёмся по заветным векам
И споём, как прежде, хорошо:
«Всю-то я вселенную проехал,
Нигде я милой не нашёл...»

1944.

ПАРОЛЬ

Вдали от родины иду по улице ночной.
Развалины домов полны зловещей тишиной.

Костёл, как каменный костёр,
До неба языки простёр.

Где я? Варшава, Бухарест, София иль Белград?
Не всё ль равно! Иду один средь сумрачных грома

Бегут по небу облака,
Бормочет сонная река.

Идут навстречу патрули, видны теней углы.
Блестят на шапочках солдат гербовые орлы.

Гортанный оклик, строгий крик.
Сверкает маслянистый штык.

Наверно, требуют пароль? Он не известен мне.
Я просто вышел помечтать о милой при луне.

— Я русский! — говорю в ответ,
Вступая в лунный свет.

И расступается патруль, берёт под козырёк,
И замирает по камням солдатский стук сапог

Бегут по небу облака.
...Как ты сегодня далека!

1944.

ОЛЕНЬ

Июль зелёный и цветущий.
На отдых танки стали в тень.
Из древней Беловежской пуши
Выходит золотой олень.

Короною рогов ветвистых
С ветвей сбивает он росу
И робко смотрит на танкистов,
Расположившихся в лесу.

Олений взгляд, прямой и юный,
Как бы навеки удивлён.
Ногами, тонкими, как струны,
Легко перебирает он.

Молчат угрюмые солдаты,
Весь мир выдавшие в огне.
Заряженные автоматы
Лежат на танковой броне,

А он уходит в лес обратно,
Спокоен, тих и величав,
На шкуре солнечные пятна
С листвою пятнистою смешав,

1944.

«ВИЛЛА ВИОЛА»

Где нынче ночуем? Простая задача.
Машина без света по просеке мчится.
На карте двухвёрстке отмечены дачи,
Сегодня их взяли в четырнадцать тридцать.

Дорога разрыта, в траншеях, в обломках,
Дорога, как в русские горькие сёла.
На дачу пустую наткнулись в потёмках,
Она называется «Вилла Виола».

Белеют левкой на клумбах осенних,
Стеклянные двери распахнуты настезь.
Мы наверх бежим по коротким ступеням
В чужое, не русское счастье.

Здесь всё сохранилось. Не тронуло пламя
Всех этих квадратов, кругов и овалов.
Пропитана спальня чужими духами,
Чужой теплотою полны одеяла.

Я лучше укурюсь шинелью шершавой,
Я лучше окно плащ-палаткой завешу.
В семи километрах отсюда — Варшава,
Над нею колеблется отблеск зловещий.

Далёко отсюда любимые наши.
О чём мы с тобой говорим на чужбине?
Я всё о Наташе, Наташе, Наташе,
А ты всё о Нине, о Нине, о Нине.

И всё нам без них нелегко и немило.
На что нам Виола? Здесь жить мы не будем.
От грохота бомб сотрясается вилла,
Которую утром мы сразу забудем.

Сапёры наводят в ночи переправу.
Не спится. Обстрел. Боевая тревога.
Наверно, мы скоро ворвёмся в Варшаву,
И, значит, в Москву будет ближе дорога.

1944.

РЕГУЛИРОВЩИЦА

На перекрёсток из-за рощицы
Колонна движется большая.
Мадонна и регулировщица
Стоят, друг другу не мешая.

Шофёр грузовика тяжёлого,
Не спавший пять ночей, быть может,
Усталую поднимет голову
И руку к козырьку приложит.

И вдруг навек ему запомнится,
Как сон, как взмах флажка короткий,
Автомобильная законница
С кудряшками из-под пилотки,

И, затаив тоску заветную,
Не женщине каменнолицей,
Той, загорелой, той, обветренной,
Наверно, будет он молиться.

1944.

ОСЕНЬ

В России багряная осень,
Прозрачная синь, листопад,
И ветер туда не доносит
Тяжёлых орудий раскат.

На мирном, холодном рассвете
Курлыча, летят журавли.
Шумливыми стайками дети
В высокие школы пошли.

Печальные наши подруги
К семи затемняют окно.
Четвёртую осень в разлуке
Им верить и ждать суждено.

Но время счастливое близко:
Там ветер недаром кружил —
Багряный листок, как записку,
На каждый порог положил.

Он будет приметой доброй.
Ведь здесь, средь нерусских равнин,
Подруги и родины образ
Сливаются в образ один.

Тоска наполняет нас силой,
И мы ненаглядным своим,
Тоскуя о родине милой,
Сквозь тысячу вёрст говорим:

«Скучайте о ваших солдатах,
Ушедших с советской земли,
О тех, кто сегодня в Карпатах,
О тех, кто в балканской дали,

О тех, кто в варшавских предместьях..
Пусть слышит родная страна
Под полночь в «Последних известьях»
Чужих городов имена.

А мы, зарядив автоматы
И снова припомнив свой дом,
За Вислу, за Сан, за Карпаты
Всё дальше и дальше пойдём».

Вокруг перелески чужие,
Осенних полей красота...
А в сердце – Россия, Россия,
Любовь, и судьба, и мечта.

1944.

ТРИК-ТРАК

Всю землю изрыли окопы –
Угрюмая память атак.
Стучит по дорогам Европы
Трик-трак – деревянный башмак.

Куда ты идёшь и откуда,
Состарившаяся мечта?
Хрипит в твоих лёгких простуда,
Увяла твоя красота.

Над горем бездомным, бездонным
Осенние листья летят.
По выбитым стёклам оконным
Трик-трак — деревянные стучат.

Как будто бы после потопа,
Пусты города и поля.
Так вот ты какая, Европа,
Неведомая земля!

Тяжёлый мешок за плечами,
В лохмотьях клеёнчатый плащ.
Лишь ветер глухими ночами
Тебя утешает — не плачь!

У стен разбомблённого дома
Трик-трак — несмолкающий стук.
Давно уж разбит и поломан
Твой тонкий французский каблук.

Стучат деревянные о камень.
Я встречу тебя на шоссе, —
Там девушка-воин с флажками
Стоит в световой полосе.

Шофёр остановит машину:
— Садитесь, могу подвезти.
Я еду на запад, к Берлину,
Наверное, нам по пути.

1944.

*
* * *

В доме крохотную девочку
Эвой-Иолантой звали.
В темноте, не разглядев ещё,
На руки её мы брали.

— Погоди, ты только с улицы,
Зимним ветром заморожен.
Вот смотри, она простудится,
Будь с ней очень осторожен.

— Лучше дай поняньчу я её,
Так соскучился по ласке.
Голубые или карие
У твоей девчонки глазки?

...От шинелей пахнет вьюгами,
Только русский говор нежен.
Смотрит девочка испуганно
На небритого жолнежа.

Наши Гали, Тани, Шурики,
Вы простите лейтенанта,
Что, задумавшись, зажмурились,
Няньчит Эву-Иоланту.

Польша, 1944.

СТО ПЕРВАЯ КВАРТИРА

Когда б все избы, хаты и квартиры,
Где жить пришлось, я перечислить мог,
За век войны, на всех дорогах мира,
Я насчитал бы сто один порог.

Теперь в стране чужой и невесёлой,
На улочке разбитой и пустой
Живу я в третьем доме от костёла,
Заполучив мансарду на постой.

Хозяин дома, розовый колбасник,
До ночи восседает у двери.
Шофёр ворчит: «Да он типичный частник,
Как люди терпят, дьявол побери!»

А впрочем, до него нам мало дела.
В сто первый раз устраивая дом,
Чтоб одеяло не испачкать мелом,
Газету над кроватью мы прильём.

Приколем карточку, где ты смеёшься,
Далёкая моя. А на столе
Разложим трубки, финский нож и ложку,
Дров привезём и заживём в тепле.

Заварим добрый суп из концентрата,
И мне, под непривычной тишиной,
Покажется, что с самого Арбата
Кочует эта комната со мной.

И Лермонтов витать над нами будет.
Он был поручик, значит, лейтенант.
Хозяин удивится: «Что за люди?
Надолго ли вселил их комендант?»

А мы и не заметим жизнь другую,
Где приникают к щелям и дверям,
Развратничают, молятся, торгуют,
Приданое готовят дочерям.

Пройдёт два дня, от силы три. И снова
Зайдёт полковник, скажет нам: «Пора!»
Понявши с полувзгляда, с полуслова,
Мы соберёмся в пять часов утра.

Шофёр выносит вещи и винтовки.
Быть может, мы сумеем кое-как
Поспеть к артиллерийской подготовке
На «виллисе», похожем на башмак.

Ещё темно, и холодно, и сыро.
Железо, как огонь, горит в руке.
Прощай, моя сто первая квартира
В разбитом, невесёлом городке.

*
* * *

Я хотел написать о Балканах,
О румынском прохладном вине,
О костёлах за Вислой, о странах,
Где прошли мы в дыму и огне.

Но на белых страницах тетради
Возникают иные края:
Тот разбитый блиндаж в Сталинграде,
Где окончилась юность моя,

Да кривой городок Новозыбков,
Где однажды пришлось ночевать.
Там до света над крохотной зыбкой
То ли пела, то ль плакала мать.

*
* * *

Стало пустынно у серых колонн.
Бой вдалеке, за окраиной, слышен.
Словно из маленьких каменных волн,
Слеплены здесь черепичные крыши.

Город склонился седой головой,
Тихо уснул после битвы жестокой,
И не шелохнутя на мостовой
Светлые лужицы выбитых стёкол.

Краковской улицы острый изгиб,
Танк, почерневший в объятьях пожара.
Надпись на дымной броне:
«Здесь погиб
Механик-водитель Санжара».

В улицах стелется медленный дым,
Серые бабочки пепла летают.
Осиротевшая, глазом одним,
Польские вывески пушка читает.

*
* * *

Я поцелуев своих не растрочу.
Только, когда через Буг перейду,
Может быть, вдруг не сдержусь и заплачу,
К нашей горячей земле припаду.
Горькую, щедро политую кровью,

Вдоль перерытую и поперёк,
Я поцелую её по-сыновьи,
Ласку отдам ей, что долго берёг.
Ты не ревнуй. Ты всегда дорога мне.
Только подумай —
Без этой земли
Мы, как сухие деревья на камне,
Разве росли бы и расцвели?

ВТОРОЕ СЕРДЦЕ¹

Чьё-то сердце оборвалось, —
Так любить оно хотело.
Налилось оно тоскою
И за войском полетело.
Шёл солдат войне навстречу,
Сердце бедное заметил,
Взял его в заплечный ранец
И пошёл сквозь дождь и ветер.

Для тебя, моя родная,
Эта песенка простая.
Ты влюблённое, быть может,
Потеряла сердце тоже,
И теперь от боя к бою
Я несу его с собою.

Шёл солдат своей дорогой
Через лес и через поле.
Часто шёл со смертью рядом —
У солдат такая доля.
Но солдат всегда смеялся,
Смело шёл он в пламя боя —
Ведь в своём походном ранце
Сердце он имел второе.

Для тебя, моя родная,
Эта песенка простая.

1945.

¹ Песенка солдат Польского войска

МОГИЛА ГЕТЕ

Я знаю, так случится: на рассвете
В немецкий дряхлый город мы войдём,
Покрытый черепицею столетний
И косо заштрихованный дождём.
Проедем на гвардейском миномёте,
Как под крылом, по улицам пустым.
«Здесь, в этом городе, могила Гёте», —
Полковник скажет мальчикам своим.
Сойдут гвардейцы пушкинской бригады
С овечьих легендой машин,
И встанут у кладбищенской ограды,
И слова не проронит ни один,
И только вспомнят Пушкинские горы,
Тригорского священные места,
Великую могилу, на которой
Прикладами расколота плита.
А здесь листву с дубов сбивают пули,
Плывёт рассвет. На лужах дождь кипит.
Стоят гвардейцы молча в карауле
У камня, под которым Гёте спит.

1944.

*
* * *

Ты будешь жить в стране богатой,
В стране, отстроившейся вновь,
Где будет молодость крылатой
И безмятежною любовь.

Окопы зарастут цветами.
На месте пламени войны —
Пшеницы золотое пламя
На все четыре стороны.

Вернувшийся с позиций воин
Пройдёт с тобою по полям.
Что ж, он любви твоей достоин,
Дели с ним радость пополам.

Но в час своей победы вспомни
С открытой совестью, без мук,
Какой был ласковый и скромный
Давнишний твой, твой первый друг,

Мальчишка из десятилетки,
Что так светло тебя любил.
Он не вернулся из разведки,
А позже в поле найден был,

Растерзанный, с лицом, как вата,
Почти распятый на штыке,
С твоею карточкой, зажатой
В окаменевшем кулаке.

Будь счастлива! Но дай мне слово
Хранить его в душе своей.
Ты можешь позабыть живого,
Но мёртвых забывать не смей.

1945.

ПОЛОТЕНЦЕ

Танки мчались в гусеничном громе,
В городке остановились по приказу.
Умывался наш танкист в немецком доме
Не по-русски, не под ковшиком, — из таза.

В горсти жёсткие он брал чужую воду
И плескал её на щёки и на плечи.
Он смывал с себя седую пыль похода, —
Танкам отдых был назначен в этот вечер.

Поднесла ему хозяйка полотенце,
Он глаза протёр прохладой полотняной
И глядит, глядит, не может наглядеться
На рисунок полотенца домотканый.

Красной ниткою на нём расшиты птицы,
Петухи да с золотыми гребешками.
Ой, была моя Маринка мастерицей,
Ой, родными это вышито руками.

— Погоди-ка ты, рушник не убирай-ка,
Что-то помню петухов я этих алых.
Покажи мне, что за складками, хозяйка,
Это чьи, уж не твои ль инициалы?

Немка в страхе заметалась, побледнела.
— Я не немец, не дрожи ты, чужестранка,
Женщин убивать — не наше дело,
Повезло тебе, что вышел я из танка!

Он сложил рушник и дверь толкнул ногою.
И пошёл, к лицу прижав руками
Ту находку — полотенце дорогое,
Петухов да с золотыми гребешками.

1945.

СЕМЬДЕСЯТ ПЯТЬ КИЛОМЕТРОВ!

Дожили! Дожили! Только подумай,
Сколько шагать и страдать нам пришлось!
Город немецкий, седой и угрюмый,
Острою готикой вычерчен вкось.

Ходим по улицам мы, повторяя:
Дожили, взяли, добились, дошли
До оголтелого этого края,
До ненавистной немецкой земли.

Здесь будут кончены страшные войны.
Можно сегодня без слёз на глазах
Вспомнить о наших друзьях беспокойных,
Вспомнить о наших покойных друзьях.

Как умирали в неволе девчата —
Ненависть дрожью по телу — не страх.
Кровь запекалась сургучной печатью
На опалённых молчаньем губах;

Как умирали солдаты у Дона,
Как отстояли просторы страны,
Чувствуя сердцем, душой непреклонной
Ветер пронзительной этой весны.

Бились недаром, страдали недаром,
Глохли недаром от всех канонад.
Перед последним, жестоким ударом
Я оглянись на мгновенье назад.

Вижу Москву в озареньи салюта,
Вижу сибирских заводов огни,
Вижу сиянье скупого уюта,
Вижу к победе летящие дни,

Вижу домов сталинградских руины,
Верю в грядущее их торжество.
Нам остаётся идти до Берлина
Семьдесят пять километров всего.

Кюстрин. 1945.

ДАЛЬНИЙ ПРИЦЕЛ

Вот с этой апрельской опушки,
В свой срок, через десять минут,
Тяжёлые русские пушки
Стрелять по Берлину начнут.

Гвардейцы снимают шинели —
Расчёт к наступленью готов.
Под солнцем чужим заблестели
Медали родных городов.

Здесь рядом с медалью одесской
Идут сталинградцы в огне,
И рядом с адмиралтейством —
Зубцы на кремлёвской стене.

Огонь! — И гремит батарея,
Вздыхает горячий металл.
Огонь! — И дымится за Шпрее
Восьмизэтажный обвал.

Прибоем бушует отвага,
Шагает гвардеец сквозь дым.
Огонь! — И колонны рейхстага
Склоняют колени пред ним.

Как рушатся серые зданья,
Отравленный рушится мир.
Я знаю секрет попадания,
Я ненависть в сердце вскормил.

Всё дело в тончайшем прицеле,
А мы наводили тогда,
Когда в окруженьи метели
К Москве подступала беда,

Когда в ленинградской блокаде
Сшибало нас голодом с ног,
Когда громыхал в Сталинграде
Их танков драконий поток.

...На светлой апрельской опушке
Капели с сосновых вершин.
Грохочут советские пушки,
Снаряды уходят в Берлин.

От пота черны гимнастёрки,
Весенняя хлещет метель.
Смеётся пушкарь дальнозоркий —
Пред ним долгожданная цель.

1945.

НА ЭЛЬБЕ

Я помню Волги величавый бег,
Днепра и Сана голубые воды.
Вчера я был на Эльбе. Сколько рек
Мне воспевать пришлось за эти годы!

Последняя военная река
Струилась, как беседа меж друзьями.
Бойцы американского полка
Перекликались через волны с нами,

За их плечами строились в ряды,
Толкаясь и шумя от нетерпенья,
Рабы и пленники большой беды,
Дожившие до счастья возвращенья.

Как в сказке вырос мост. И по нему
Пошла толпа. В рядах нестройно пели.
У нас, давно привыкших ко всему,
Совсем некстати веки повлажнели.

«Страна моя, Москва моя...» Поют
И рукавами утирают слёзы.
Быть может, я друзей увижу тут
И вспомню подмосковные морозы.

Шёл горестью испытанный народ
По свежим доскам, мокрым и покатым.
То возвращался сорок первый год,
Чтоб утолить печали в сорок пятом.

Из лагерей угрюмых люди шли
На лицах таял грусти отпечаток.
В руках цветы нерусские несли
Глазастые полтавские девчата.

Быть может, душу сберегли не все
В толпе огромной. После разберёмся.
Но эти лица в утренней росе
Ни капли не таили вероломства.

Пора домой! Мы все — одна семья,
Мы сыновья Советского Союза.
Прощаясь с нами, в дальние края
Голландцы шли, бельгийцы и французы.

Лучилась солнца золотая сень,
Всё начиналось сызнава, как в детстве.
Вчера я это видел. Светлый день,
Как в волнах Эльбы, отразился в сердце.

Магдебург. 1945.

ПАМЯТИ «ВИЛЛИСА»

У меня был старый «виллис»,
Не машина — близкий друг.
Где мы только не пытались,
Перечислить недосуг.

Если путь корреспондента
Лентой вытянуть одной,
Я ручаюсь — эта лента
Обмотала б шар земной.

«Виллис» был и пулей мечен,
И освистан ветром злым,
И однажды искалечен
«Студебеккером» шальным.

От ремонта до ремонта
Коротал он трудный век.
Он прошёл четыре фронта,
Как не каждый человек.

И на срочные задания
Мы выскакивали с ним,
И на нежные свиданья...
(Но об этом умолчим).

«Виллис» к бою подъезжает,
Вдруг — хлопот на два часа:
Дух со свистом выпускают
Все четыре колеса.

Но, не слушая насмешек,
Мчал я дальше на «козле»
По горевшей и гремевшей,
Развороченной земле.

И до Бранденбургских честно
Он довёз меня ворот.
Встал он тут — не сдвинуть с места,
Ни назад и ни вперёд.

Зажигание пропало,
Масло наземь потекло,
И повисло вдруг устало
Перебитое крыло.

Как с машиной мы ни бились,
Не поправили ничуть.
Тихо умер старый «виллис»,
Завершив военный путь...

В лакированной машине
Разъезжаю я теперь.
Взяли мы её в Берлине,
У неё мотор, как зверь,

Стёкла, мягкие сиденья,
Даже радио поёт...
Но в душе живут виденья
Бездорожий и невзгод.

Я грущу на самом деле
О машине, милой мне,
Как моряк — о каравелле
Или рыцарь — о коне.

1945.

СНОВА НА РОДИНЕ

Снова цветут при дорогах ромашки,
Тихие ивы стоят у реки.
Снова зелёные с синим фуражки,
Словно в траве васильки.
В долгом пути, как страницы тетрадки,
Перелистал я четыре страны,
Перечитал я в обратном порядке
Годы великой войны.
Вспомнил я тех, с кем шагали мы вместе,
Тех, кто победы увидеть не смог.
Трубку набил я махоркою в Бресте —
Сладок и горек дымок.
Снова на родине, снова я дома,
Сердце щемит долгожданный наш вид:
Тёмные избы под бурой соломой...
Аист на крыше стоит..
Как материнские любят морщины,
Каждый из нас полюбил навсегда
Эти овраги, болота, равнины,
Где громыжала беда.
Много я видел красот за границей —
Гладкие реки шоссейных дорог,
Дачи стеклянные под черепицей,
Чистенький, жадный мирок.
В танках и пушках была наша слава,
Труден был путь нашей светлой судьбы:
Самая сильная в мире держава
С аистом возле трубы.

Не пригибаясь и не потакая,
Горе любое встречая без слёз,
Вот ты каких победила такая
Родина белых берёз.
Стало дышаться легко и широко,
Всё перевозмог наш великий народ,
И не на вёрсты — далёко-далёко
Видно на годы вперёд.
Время на крыльях стремительных мчится,
Горы сдвигает родная страна
А черепица — да что черепица,
Будет у нас и она!

Минск. 1945.

НОЧНОЙ САМОЛЕТ

Ночью в тучах слышен самолёт.
Смутный гул его доносит ветер.
Вот сейчас над нами он пройдёт,
Нас с тобой заметит? Не заметит?

Ты прижмёшься к моему плечу
И в убежище идти не надо.
Но опять, — хочу иль не хочу, —
Вспоминаю ночи Сталинграда.

Погасите лампочки скорей,
Затопчите тотчас папиросы!
Самолёт летает у дверей,
Словно когти, выпустив колёса.

...Но никто не слушает меня.
Город пляшет и смеётся ночью.
Площадей весёлых толкотня,
Огоньков живое многоточье.
Мы тревожно замерли. Опять
Ровный рокот проползает мимо.
...Завтра будут розы продавать,
Самолёт доставил их из Крыма.

1945.

*
* * *

Я помню, как мы расставались,
Когда уходили на смерть:
Не плакали, не целовались,
Губам приказали — не сметь!

Ну, как целоваться при людях
Три года не видевших жён!
А поле всё в «любит, не любит»,
В ромашках, похожих на сон.

Мы только рукою махнули,
Подумав: «А вдруг — навсегда?..»
Над полем визжащие пули,
У мёртвых глаза, как слюда.

«Прощай» не сказали ни разу,
А только сухое: «Пока»,
Как будто мы встретимся сразу
В каком-нибудь штабе полка.

Мы выжили. В штатской одежде
Встречаемся в мире живом,
Но так расставаться, как прежде,
Уж нам не суметь нипочём!

Когда ты уходишь к подруге,
Иль в город поедешь на час,
Целую я милые руки,
Ловлю я сияние глаз.

Мне жить без тебя невозможно, —
Слова говорю невпопад:
«Садись на трамвай осторожно,
По скверам идёт листопад!»

1945.

БЫЛА ВОЙНА

Теперь проходит наш счастливый век
В гостиницах иль у друзей хороших.
Летит над миром чистый первый снег,
А там, глядишь, и первая пороша.

Наш первый снег летел под Лозовой,
Наш снег второй свистел над хмурой Волгой.
Шёл третий снег на Киев грозовой,
Четвёртый снег поржал над Вислой долго.

Но вот над нами снова первый снег.
Из недр метро тепло идёт клубами,
И я ловлю твой безмятежный смех
Обветренными, жёсткими губами.

У нас пока ещё и дома нет.
Мечтателям светло под крышей звёздной.
Мы начинаем строить в тридцать лет –
Не очень рано, но ещё не поздно.

Кто смеет время проводить в тоске?
Не слышал он снарядные разрывы.
Снежинка тает на твоей щеке.
Была война, а мы остались живы.

1945.

ОКТАБРЬСКОЕ ПИСЬМО

Вы помните, как в юности бывало?
Седьмое ноября! Октябрьский праздник!
Цветные лампочки на всех карнизах,
Средь красных клёнов – красные знамёна,
И в каждом клубе – танцы до утра.
А утром – гром октябрьского парада,
Сияние восторженных оркестров,
И мы проходим мимо мавзолея,
Чтоб чистыми, счастливыми глазами
Взглянуть в глаза вождю, который машет
Рукою мне и каждому из нас.
Но видел я другой Октябрьский праздник:
Среди путей на станции Валуйки
Стоял угрюмый санитарный поезд.
Я вышел утром на сырую площадь

И встал под рупором. Неслышно падал
Снежок на белые мои бинты.
Тогда мы покидали Украину,
Кольцо сошлось у горла Ленинграда
И под Москвой немецкие солдаты
Стихами Пушкина топили печи.
И вдруг из рупора раздался голос,
Который шёл от сердца прямо к сердцу,
Он говорил о нашем правом деле,
О том, что победим. Его дыханье
Мы ощущали в рупоре, как будто
Стоял он здесь, стоял он с нами рядом.
В тот самый день и зачалась победа,
Незримая ещё, но наша, наша,
Созревшая в душе солдата раньше,
Чем развернуться на полях сражений.

И вновь пришло седьмое ноября.
По Волге плыл колючий лёд, срывая
Понтонные мосты. Горела пристань.
На взорванных проспектах Сталинграда
Стонало рваное железо кровель
И кровь лилась. По рации разбитой
Мы приняли спокойный вещей голос
Учителя, товарища, вождя.
По улицам, руинам и подвалам
Прошёл мгновенный ток. Бойцы шептали:
«Ты слышал! Он сказал, что будет праздник
На нашей улице. Друзья, в атаку!»

И снова в полный рост на амбразуру
Встаёт гвардеец, каменной пылью
Покрытый с ног до головы, как будто
Он из седого мрамора изваян.

Проходит год. Осенняя заря
С пожаром вместе озаряет небо.
Мы в Киеве. Его каштанов листья
Шумят, шуршат у нас под сапогами.
Проходят танки к Золотым воротам,
И юноша в тяжёлом круглом шлеме
Шершавым рукавом комбинезона
Стирает слёзы с чёрного лица.
Сейчас Москва озарена салютом,

И небо так прозрачно, так прекрасно,
Что можно верить только в жизнь и счастье,
Которые должны мы в битвах взять.

Последний раз седьмое ноября
Мы праздновали где-то за границей:
В нерусском доме, у нерусской печи
Собравшись тесною семьёй, распили
Бутылку иностранного вина.
Был с нами тот весёлый подполковник,
Который похоронен в Кенигсберге,
И лейтенант, упавший у рейхстага
С пробитым пулей знаменем в руках.
О чём мы говорили? Всё о том же —
Какой в Москве сегодня день хороший,
Великий вождь выходит на трибуну,
И рукоплещут Кремль и вся страна.
Так бьётся сердце. Так близка победа.
Так далеко мы от отчизны милой,
Где первый иней превратил солому
В хрусталь хрустящий, где рябины гроздь
Пьянящей терпкой сладости полны.
Шёл бой вдали. Чужой угрюмый город
Тревожно спал, припав к реке холодной.
Мы пели песни о своих берёзках,
О птице-тройке, девушке Катюше
И были счастливы, что есть на свете
Родная и свободная страна.

Вот так прошли, промчались, пролетели
Четыре октября, четыре года.
Опять октябрьский тугокрылый ветер
Колышет флаг над зданием Совнаркома.
На нашей улице сегодня праздник,
И наша зрелость юностью одета:
Цветные лампочки на всех карнизах,
Средь алых клёнов — алые знамёна,
И в каждом клубе — танцы до утра.
А утром — гром октябрьского парада,
Сияние восторженных оркестров,
И мы проходим мимо мавзолея,
Чтоб чистыми, счастливыми глазами
Взглянуть в глаза любимому вождю.
1945.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Дачный поезд	3
Комсомольская площадь	4
«Письма носят в противогазах...»	5
Варешки	5
Гроза	7
Украине моей	7
Отпуск	8
Ночлег	9
Город вдали	10
Пеленг	11
Посвящение	12
«Где ты ходишь, недотрога...»	13
Разговор Волги с Доном	13
Сталинград	14
Высота	15
«Пахнут дымом волжские туманы...»	16
О том, о далёком	17
Сирень	18
Послание поэтам	19
Свобода	20
Попутная песня	21
Случайный вальс	22
«Всю-то я вселенную проехал...»	23
Пароль	24
Олень	25
«Вилла Виола»	26
Регулировщица	27
Осень	27
Трик-трак	28
«В доме крохотную девочку...»	29
Сто первая квартира	30
«Я хотел написать о Балканах»	31
«Стало пустынно у серых колонн...»	32
«Я поцелуев своих не растрачу...»	32

Второе сердце	33
Могила Гёте	34
«Ты будешь жить в стране богатой...»	34
Полотенце	35
Семьдесят пять километров!	36
Дальний прицел	37
На Эльбе	38
Памяти «виллиса»	39
Снова на родине	41
Ночной самолёт	42
«Я помню, как мы расставались...»	43
Была война	43
Октябрьское письмо	44

Отв. редактор А. Сурков.

А—04448 Подписано к печати 23/V 1946 г. Заказ 532.

Тираж 100.000.

Типогр. газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

Цена 60 коп.